

УДК 821

*И.В. Морозова***СТРАТЕГИИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В РОМАНЕ АЛЛЕГРЫ ГУДМАН
«СЕМЬЯ МАРКОВИЦ»**

В статье рассматривается проблема самоидентификации и ее стратегии в мультикультурном дискурсе современной американской литературы. Предметом анализа является роман Аллегры Гудман «Семья Марковиц», где стратегии самоидентификации представлены в еврейском сегменте мультиэтнического социума США. В центре внимания оказываются этническая, культурная и религиозная идентификация, выявляемая на примере членов одной семьи.

Ключевые слова: литература США, мультикультурализм, стратегии самоидентификации, еврейско-американская литература, Аллегра Гудман.

Мультикультурализм американского общества в самых разнообразных его проявлениях – от политики до литературы – и его теоретическая и методологическая рефлексия представляет одну из наиболее интересных и провокативных проблем сегодняшнего гуманитарного знания. В США феномен мультикультурализма попал в поле внимания исследователей давно: уже в течение более четырех десятилетий, когда свою несостоятельность проявили теории и англо-саксонского гегемонизма и концепция «плавильного котла», на первый план вышла «теория многообразия» с ее признанием легитимности тем и дискурсивных практик, порожденных традициями различных культурных групп, составляющих население Соединенных Штатов. В фокусе внимания американского литературного дискурса оказались, таким образом, диалогичность культур, проблемы взаимодействия традиционного и современного, проблема культурного пограничья, проблемы «Я-концепции» и «Другого», что вполне соответствовало и общим постмодернистским установкам на множественность оснований бытия мира.

В таких условиях проблема этнической и культурной самоидентификации стала едва ли не самой значимой проблемой американской литературы, обратившейся к изображению взаимодействия этнической и культурной аксиологической системы индивида с заранее заданной системой американских национальных ценностей. В этом смысле так называемая еврейско-американская литература представляет особый интерес, поскольку этническая гибридность евреев США имеет более сложную структуру, чем многие другие этнические группы: во взаимодействие вступают не только собственно еврейские или американские ценности, но и ценности и культурные традиции тех стран, откуда прибывали еврейские иммигранты на американский континент. В результате создается весьма широкое поле взаимопритяжений и взаимоотталкиваний разнообразных культурных векторов, что делает процесс самоидентификации выбор его стратегий особенно драматичным.

На протяжении длительного времени существования еврейской традиции в американской литературе специфика этого процесса со всеми его противоречиями неоднократно находила свое отражение в творчестве еврейских писателей США. Стоит назвать имена таких мэтров, как Сол Беллоу или Филипп Рот, чтобы увидеть значимость проблемы еврейской идентичности в американской культуре.

Аллегра Гудман (Allegra Goodman, род. 1967) принадлежит к новому поколению еврейско-американских писателей, обратившихся к проблеме этнической и культурной самоидентификации в мультикультурном обществе США. Эта тема стала главной в романе А. Гудман «Семья Марковиц» (*The Family Markowitz*, 1996). С одной стороны, роман продолжает традиции семейного романа, демонстрируя устойчивые признаки жанра, явленные и паратекстуально самим названием, и самой архитектурой произведения, строящейся вокруг внутрисемейных конфликтов и их преодолений. С другой стороны, композиция романа демонстрирует новаторское осмысление жанра: текст состоит из глав, которые воспринимаются как отдельные рассказы, поэтому некоторые исследователи склонны рассматривать его как сборник рассказов о людях, объединенных принадлежностью к одной семье [2].

Скорее всего, А. Гудман сознательно рассчитывает именно на этот двойной эффект восприятия, не фиксируя жанр произведения. Представляется, что это роман, в котором множественность постмодернистского восприятия мира проявляется в полифоническом звучании голосов членов одной семьи. Думается, что такой подход оправдан еще и литературными традициями, на которые ориентируется писательница в своей творческой практике. Так, в одном из интервью А. Гудман заметила, что

метод работы над сюжетом у Г. Джеймса, который начинает с создания характера, вызывает ее восхищение, и она, так же как Г. Джеймс (который, кстати, этот метод почерпнул у И.С. Тургенева), прежде всего, продумывает специфику характера:

«Я начинаю с характера и мотивации его поведения, думая о том, чего они хотят, кто они такие, каковы подробности их жизней и историй. Я пытаюсь сделать их реальными прежде всего для себя, а затем пишу сцены, где они вступают друг с другом в разговоры, и тогда я знаю, что они скажут в определенной ситуации» [3] (Здесь и далее перевод мой. – И.М.).

Именно такой подход превращает главы романа в самостоятельные рассказы, а целостность повествования достигается основной сквозной идеей произведения о различных способах самоидентификации членов одной еврейской семьи в американском социуме.

Главными героями романа являются Роза Марковиц, мать семейства, ее два сына Эд и Генри и жена Эда Сара. Каждый из них представляет определенный типаж еврея, во многом основанный на стереотипе собственной культуры, или как определяют такой типаж в имагологии, – «самообразе» (Auto-Image): это властная и бесцеремонная «аидише мама» Роза, интеллектуал Эд, рефлексирующий эстет Генри, и жена- соратница и единомышленница Сара.

Каждая глава романа – это самостоятельный рассказ о событии из жизни отдельного героя, связанном с поворотными моментами жизни всей семьи. Открывается повествование рассказом о смерти мужа Розы, а завершается главой о замужестве Мириам, внучки Розы, дочери Эда и Сары, когда рождается новая семья, символизирующая преодоление одиночества и продолжение рода. Наличие представителей разных поколений одной семьи позволяет показать самые разнообразные стратегии этнической, религиозной и культурной самоидентификации.

Первая стратегия – это этническая самоидентификация – определение и интерпретация исторического прошлого в коллективной памяти народа. Примечателен в этом смысле диалог Розы Марковиц исследовательницы Альмы, занимающейся устной историей американских евреев с целью восстановления лакун в истории иммигрантов. Каждый раз Роза «придумывает» новую историю своей семьи:

«– Мой брат был учителем. Нас отправляли в колледжи. Моя невестка рисовала, играла на пианино. Мы говорили и по-немецки, и по-французски. Мы были очень культурные. Наш дом в Вене – это просто-таки произведение искусства. А в Бруклине мы жили даже лучше.

– Бог ты мой, – вопит Альма. – По моим записям в нашу прошлую встречу вы сказали, что знали одни лишения и голод.

– Чушь это. (...)

– Хорошо, каково все же было положение вашей семьи: вы были бедные и невежественные или культурные?

Роза складывает руки на коленях.

– Мы были культурные в душе» [1].

Очевидный юмористический тон диалога, направленный, прежде всего, на разрушение доверия к идее универсальности картины мира и возможности единого исторического дискурса, что характерно для постмодернистского знания, вместе с тем, подчеркивает значимость множественности коллективной памяти в судьбе индивидуума. Эта мысль отчетливо выражена Гудман в конце романа, когда на свадьбе Мириам бабушка жениха рассказывает историю своей жизни:

«Роза не хочет слушать: с какой стати Ильзе навязывает ей историю своей семьи, а та завелась и все рассказывает о своем брате, об их доме в Бреслау, о своих трех сестрах: «одна в Англию, одна в Нью-Йорк, я спаслась в Палестину, а одна погибала в Дахау». История эта мало чем отличается от истории Розиной семьи и вызывает у Розы странное чувство. Она чувствует, не может не чувствовать, что, если кому и следовало вести этот рассказ, так только ей, или, по крайней мере, ей следовало бы рассказывать первой. Она свыклась с мыслью, что ее опыт – беженки в Англии в Первую мировую войну, иммигрантки в Америке – уникален. ... А Ильзе все говорит и говорит, это же просто-таки невежливо; это же без пяти минут плагиат» [1].

Таким образом, Гудман подчеркивает мысль о том, что в процессе самоидентификации важна коллективная память, история народа, выраженная в индивидуальном биографическом дискурсе.

Следует отметить, что для еврейской истории особо важна коллективная память о Холокосте, воспринимаемом как фактор, формирующий еврейскую идентичность. В тексте само слово встреча-

ется всего шесть раз, в сущности, по незначительным поводам, напрямую никак не связанным с прямыми отсылками к трагическим событиям Катастрофы. Однако с точки зрения стратегий самоидентификации эти эпизоды чрезвычайно репрезентативны.

Так, например, «тонкокожий» знаток искусства Генри замечает, что в новой синагоге «статуя в память Холокоста ужасная», в то время как кондиционер замечательный. В высказывании Генри два предмета, символизирующих, с одной стороны, трагедию, а с другой - комфортное обитание, совмещены в одной плоскости рефлексии на окружающую бытовую обстановку. Таким образом фиксируется мысль о постоянном присутствии Холокоста в жизни еврейского народа и одновременно проявляется пронизывающая все повествование ирония А. Гудман над тиражированием образа Катастрофы, снижающим истинный пафос трагедии.

Так же двойственно и использование Холокоста в стихотворении любительского клуба писателей, который ведет Сара. Участница этого клуба пишет трехчастное «Хокку самоидентификации», где конечно же, опять присутствует ирония Гудман: японская поэтическая форма используется для еврейской самоидентификации. Первая часть демонстрирует первостепенность Катастрофы в процессе поисков своего «Я»:

«Поколения
звезды в небе
желтые звезды
холокост». [1]

Важным моментом в изображении места Холокоста в процессе еврейской самоидентификации является выбор книги для двенадцатилетней девочки в день бат-мицвы – церемонии, означающей переход из детской во взрослую жизнь. Два интеллектуала – профессор Эд и его жена Сара, ведущая творческий литературный кружок, пересматривают книги, которые могли бы считаться «великим еврейским романом». Прежде всего, здесь интересна аллюзия на известную литературную дискуссию о «великом американском романе», отразившую завершение процесса формирования американской нации в сфере литературы. Вне сомнения, это указание на подсознательный процесс культурной самоидентификации евреев, воспитанных в американской среде. Однако классика американской подростковой литературы роман «Маленькие женщины» Л. М. Олкотт отвергается по причине его «американскости», как, впрочем, отвергаются и книги мастеров еврейской литературы. «Прощай, Колумбус», Ф. Рота, «Приключения Оги Марча» С. Беллоу, рассказы И. Башевиса Зингера не проходят критерий отбора из-за их явной гендерной принадлежности. В результате два интеллектуала не в состоянии выбрать что-то более оригинальное, чем самый ожидаемый текст – «Дневник Анны Франк», который, как известно, стал в США главной книгой, обличающей Холокост.

Примечателен диалог Эда и Сары, предлагающей приобрести именно «Дневник»:

- (...) ну почему мы непременно должны подарить ей книгу о Холокосте?
- Я что, хоть слово сказала о Холокосте?
- Все книги, которые ты выбираешь, о Холокосте. Они тебя притягивают, как магнит. (...)
- Вот уж нет! Я подыскиваю еврейскую книгу, только и всего» [1].

Таким образом, еврейская книга непременно ассоциируется с темой Холокоста, а Холокост – с еврейской идентичностью.

Второй стратегией является культурная самоидентификация. Каково индивидуальное «Я» в поле перекрещивания и взаимовлияния различных культурных традиций в гибридном социуме США? Эта стратегия раскрывается практически на всех членах семьи Марковиц. Для европейских евреев США были особенным местом, поскольку Америка с ее пуританским наследием представлялась наиболее родственной по менталитету страной. Пуритане были связаны с библейской традицией теснее, чем какая-либо другая христианская община. Они, как и библейский народ, видели в Американском континенте «землю обетованную», путь к которой лежит через «пустыню океана», – именно так писал об этом У. Брэдфорд, первый губернатор новоанглийской колонии. Общие для американской и еврейской ментальности концепты, к числу которых, например, относится «избранничество» обеспечивали самую тесную связь двух культур. По этой же причине, а не только исключительно политической, Америка приветствовала и создание государства Израиль.

Культурная идентичность Розы – это своего рода тип культурной идентичности евреев-иммигрантов первого довоенного поколения, которое так же, как и первые поселенцы, пересекали Атлантику как их предки – пустыню. На связь между двумя «исходами» указывает то, что юность Розы проходит в Англии, о чем она постоянно помнит, но при этом финансово поддерживает именно израильский приют для девочек, где, как пишут в рекламе, их «наставляют строго согласно Торе» и воспитывают из них невест для «создания еврейского дома». Модель самоидентификации Розы – это унифицированная модель «Я-концепции», где этническая, религиозная и культурная составляющие находятся в неразрывной связи со всем домом Израилевым, рассеянным по миру. Для второго поколения американцев, родившихся в США, вопрос «Я»-концепции уже неразрывно связан с американским контекстом.

Наиболее радикальным выходом в поисках культурной идентичности пользуется Генри. На его примере А. Гудман показывает характерную для Америки вообще, и для американцев еврейского происхождения, в частности, проблему соотношения Старого и Нового Света. Вслед за своим учителем Г. Джеймсом А. Гудман рассматривает проблему Старого и Нового Света в плоскости эстетического чувства. Думается, что и имя своему герою она выбирает не случайно, поскольку в общем контексте соотношения двух культур имя Генри должно было указывать на сходство судеб в общенациональном, а не только еврейском, масштабе.

Генри искусствовед, но его знания никому в Америке не нужны, нужны лишь дельцы от искусства на артрынке. Генри испытывает непреодолимое отвращение к американскому отношению ко всему эстетически ценному. Генри, как собственно и его брат Эд, в прошлом преподаватель, видят это, в особенности в американских университетах:

«Что до ученых постарше – они словно на поваров учатся, запросто могут приготовить Шекспира, подать его как жареного гуся, фаршированного политическими и сексуальными смыслами, разрезать, четверговать его длинными ножами. Для Генри чтение всегда было занятием деликатным – к нему нужно относиться бережно, как к яйцу, из которого выдуваешь содержимое. Прокалываешь иголкой с двух сторон, и смысл – цельный, нетронутый, стекает в чашку. А теперь все варят вкрутую, колотят по скорлупе – и готово. Все в кучу – искусство, историю, социологию, политику, перемешивают, лепят рулет и плюхают на блюдо. Таковы нынче ученые, что сидят в научных журналах. Они объявили войну прекрасному, они отрицают Бога и отрицают метафору» [1].

Неудивительно поэтому, что Генри становится экспатриантом, повторяя путь первых американских экспатриантов во главе с Генри Джеймсом с их поисками прекрасного в Европе. В Оксфорде он днем работает в магазине «Лора Эшли», фирме, известной своим аристократическим стилем, а вечером экспертом по искусству «среди башен и колоколов настоящего университета, с благородными старыми стенами, поросшими лишайником, увитыми сиренью и толстыми жилистыми ветвями роз». Коттедж, который они покупают вместе со своей женой-англичанкой, напоминает «Грачевник» Дэвида Копперфилда. Показывая восприятие мира Генри, А. Гудман подчеркивает его полное слияние с английской культурой: в нем еврейского намного меньше, чем английского и совсем нет американского.

У Эда же другая модель культурной самоидентификации. Эд американский еврей, его идентичность – гибридная, где еврейские традиции трансформированы американскими, и не случайно, что в его речи проскальзывает время от времени идиш, в то время как в речи Генри – англицизмы. Эд, как утверждает Генри, «полностью встроен в американский стиль жизни. Еда, дети, машины, реклама».

Эд политолог, он занимается проблемами Ближнего Востока, и в связи с этим А. Гудман ставит проблему формирования оппозиции Я/Другой в американском обществе. Еще в 70-е годы XX столетия американский ученый Э. Саид определил необходимость образа «Другого» для процесса национальной самоидентификации:

«Развитие и сохранение любой культуры требует существования другого и соревновательного *alter ego*. Конструирование идентичности... вовлекает конструирование противоположностей и «Других», актуальность которых всегда является предметом продолжающихся интерпретаций и ре-интерпретаций их отличия от “нас”» [4. С. 331-332].

Центральной в этом смысле является дискуссия о терроризме, в которой участвует Эд. Он считает, что американская идентичность нуждается в «Другом», даже если это террорист, поскольку официальная иудео-христианская мораль, ставшая законом в США, не позволяет увидеть в себе другие стороны. При этом механизм конструирования культурной идентичности, по мысли А. Гудман,

намного сложнее, чем поиски отличий от «Другого». В этом процессе важна рефлексия этого «Другого» на собственное «Я»:

«Следует самым пристальным образом вглядываться в тех бунтовщиков, которых мы называем чужаками. Для нас жизненно важно изучить Другого, чтобы лучше понять себя. Но (...) готовы ли мы увидеть себя в Другом, а ведь мы в нем отражаемся, как в зеркале... Нам следует шире смотреть на то, как воспринимают Америку в мире, выйти за пределы теорий классиков демократической идеологии и понять, что эти нутряные реакции террористов говорят нам об Америке, ее политике, ее военной мощи» [1].

Стратегия культурной самоидентификации, таким образом, отражает и внутреннее притяжение к какой-либо культуре, как у Генри, и понимание гибридности своей культурной идентичности, как у Эда, для которого его этническая принадлежность вливается в идентичность национальную.

Третьей стратегией в процессе самоидентификации является определение своей религиозной принадлежности. Семья Марковиц очевидно движется от, если так можно выразиться, легкой формы проявления религиозного чувства к консервативному иудаизму. Было бы естественно, если бы к этому крылу склонялась Роза, самый старший член семьи. Однако о ее религиозных чувствах читатель узнает только тогда, когда она выражает свое возмущение по поводу бракосочетания Генри с англичанкой Сьюзен в англиканской церкви или на свадьбе Мириам вспоминает, что на ее собственной их с женихом на стульях не носили – «забыли, что ли», говорит Роза. А Саре, глядящей на традиционный еврейский танец на свадьбе своей дочери, приходит на ум их с Эдом «элегантная свадьба», совсем с другими танцами – фокстротом, самбой и ча-ча-ча. Генри, как уже понятно, весьма далек от иудаизма, в его варианте это, скорее, ни к чему не обязывающая культурная традиция, чем парадигма, определяющая идентичность.

Сложности религиозной самоидентификации раскрываются на примере Эда, особенно отчетливо в главе «Комары», в которой повествуется об экуменистической конференции «Христиане и евреи». Эд первоначально воспринимает эту конференцию как очередное научное мероприятие, полученный грант на которое позволит ему съездить на пару более интересных и близких по теме. Однако участие в ней неожиданно превращается в мучительный процесс религиозного самоопределения.

Символично место проведения конференции – Университет св. Петра, один из старейших иезуитских колледжей США. Думается, что выбор автором места проведения конференции не случаен: хронотоп колледжа сопряжен как с фигурой апостола, проявившего слабость веры, так и с орденом иезуитов, разрешающий сообразно обстоятельствам разноплановую трактовку религиозно-нравственных требований. В сущности, этот колледж представляет собой своего рода проекцию состояния религиозного чувства в Америке в целом, когда процесс самоидентификации приводит и к пересмотру, и к отказу от своих корней, что впоследствии проявляется в рассказах участников конференции о личном опыте обретения веры.

Кампус иезуитского колледжа с не запирающимися на ключ и расположенными вокруг озера хижинами, что по мысли архитектора символизирует толерантность и равенство, является визуализированным объектом национальных американских политкорректных ценностей. В конференции принимают участие протестанты, католики и иудеи. Эд, привыкший к научному дискурсу, не сразу понимает, что требуется от участника этой конференции. На деле она похожа на молебное собрание протестантских деноминаций, где разговор идет о личном переживании процесса приобретения веры. У одного из участников это собрание вызывает ироническое сравнение с чосеровской пародийной поэмой «Птичий парламент», и именно она становится ключом к пониманию всей дискуссии о религиозной самоидентификации ее участников. При этом аллюзия на средневековую поэму поддержана и содержательным, и формальным уровнями: дискуссия не приводит ни к каким результатам, а выступления представляют собой изящную пародию на основные установки религиозных конфессий.

Так, директор института экуменизма – Рик Мэзер, потомок семьи знаменитых Мэзеров, (собственно и носящий имя первого прибывшего в Америку Мэзера: Рик – сокращенная форма имени Ричард) известной своим непримиримым пуританским ригоризмом, рассказывает, какую большую роль сыграл в его жизни факт неполучения стипендии на обучение в Оксфорде:

«...выбрали не меня. Для меня это был поворотный момент, потому что я испытал доселе неведомые переживания. Я потерпел поражение, а это, разумеется, было куда важнее успеха, которого я добивался раньше (...) Я был совершенно спокоен, я упивался новым горьковатым привкусом проигрыша. Я чувствовал, насколько я незначителен — и перед миром, и перед Господом. Я чувствовал, что на самом

деле я – избранный, я не отделен от остальных, я создан не для того, чтобы преуспевать, а для того, чтобы жить! Конечно, на том этапе жизни это возвышенное чувство сохранялось недолго...» [1].

Очевидно, что основные положения пуританского учения об избранничестве Богом к спасению и об успехе как свидетельстве этого, подвергается ироническому снижению, ибо верующего не может радовать факт его избранности к спасению. Ирония момента состоит еще и в том, что выпускник Гарварда подает стипендию на обучение в Оксфорде, словно предпринимая попытку свершения обратного паломничества семейства Мэзеров из Америки в Европу, что символизирует определенный кризис своей американской идентичности и предательство наследия отцов-пилигримов. Ну, и, конечно, сам факт того, что потомок Мэзеров выступает за сближение всех вероучений, являясь не просто рядовым членом, а лидером движения, вызывает иронию.

Участники так называемой конференции, которую Эд метко называет чем-то средним «между спектаклем по системе Станиславского и собранием “Анонимных алкоголиков”», по очереди, как и положено на молитвенных собраниях, как, впрочем, и на собраниях “Анонимных алкоголиков”, рассказывают о своем личном опыте обретения веры: одна участница приходит к этому через ощущение своей греховности, вторая, немка, – через понимание вины немцев за Холокост, католический монах рассказывает о своем еврейском прошлом, один раввин рекламирует гигиеническую помаду, другой в мельчайших подробностях излагает историю своей жизни, не обращая внимания на то, что слушатели уже давно потеряли внимание и терпение.

Важным в этих рассказах является то, что повествования о личном опыте строятся на общих и широко известных клише и моделях идентификации, привнесенных из современного научного дискурса, что с сарказмом отмечает Эд:

«Все эти люди, эти ученые с их историями, где вместо домов космологические системы, вместо родителей тотемы предков, вместо профессий призвания, вместо детства сдвиги парадигмы» [1].

Личное, индивидуальное, таким образом, здесь нивелируется общим знаменателем, что, в частности, подчеркивается хотя бы тем фактом, что в столовой кампуса Эду предлагают заказанную для него кошерную еду, хотя он бы предпочел что-либо другое. То есть фактически индивидууму навязывается извне его собственная идентичность, несмотря на все явленные в экуменистическом движении установки.

Эду в повествовании о религиозной самоидентификации отводится роль рефлексизирующего, но отчетливо понимающего свою идентичность субъекта. Его иудейская идентичность – не в формальном следовании сложившимся представлениям об образах религиозного человека, а в потаенном, глубинном чувстве веры, отражающемся в эмоциональном восприятии мира. Отсюда – и соблюдение кашрута, но в домашних условиях, и посещение синагоги, но по особым дням.

В понимании религиозной идентичности Эда играет символика воды, которая представлена здесь разными аспектами и ее амбивалентным характером. Так, по дороге с дискуссии Эда и всю компанию застает ливень, воспринимаемый не как очищающий, а как карающий знак небес за все пустословие и суету вокруг веры («Господи... – стонет Эд»).

Однако главным и довольно неоднозначным символом является озеро. Посредством этого универсального символа А. Гудман удается показать истинную, потаенную религиозную идентичность Эда. Его приглашают искупаться, но в то время как все с удовольствием плещутся в зеленой прозрачной воде, Эду там неуютно и холодно:

«Эд с тоской смотрит по сторонам. В высокой мокрой траве наверняка полно комаров. От одной мысли о них у него начинается зуд. Миллионы комаров плодятся в стоячей воде под причалом. Он осторожно заходит в воду, делает несколько гребков, от холодного течения сводит ноги» [1].

Прежде всего, здесь прочитывается христианское значение омовения водой, которое символизирует очищение, обновление и освящение, вода выступает в качестве источника жизни. И очевидно, что иудейская природа религиозного чувства Эда противится этой функции воды.

С другой стороны, здесь проявляется амбивалентность воды другого, языческого рода: женская вода – нижняя, вода земных источников; мужская вода – верхняя, дождь, оплодотворяющий землю. Вода озера проявляет здесь свою «низшую» природу, не случайно совет пойти искупаться Эд получает от своей жены Сары, с которой разговаривает по телефону после «омывания» «верхней водой», дож-

дем. Эд воспринимает воду как стоячую, рождающую миллионы комаров, стихию, и такое восприятие воды коррелирует с символикой комара: он связан, как и все кровососущие, с «нижним» миром.

Современный религиозный дискурс в интерпретации Гудман, таким образом, не только не помогает сближению религиозных конфессий или пониманию религиозной идентичности, а, напротив, не имеет никакого отношения к истинной вере, и обнаруживает свой земной, суетный, характер. В конце главы эта мысль выражена в символической сцене, где явно противопоставлен «верх» и «низ», божественное и земное, где человек остается в одиночестве в своем выборе веры:

«Он стоит на ступенях обеденного зала с бейглом в руке и смотрит в роскошное предвечернее небо. На деревья слетаются птицы, он слушает их переливчатые голоса. Он глубоко дышит. И говорит себе, что это лишь игра воображения, его личный бзик – этот тоненький, набирающий силу звук в траве у озера. Этот сводящий с ума писк, нарастающее зудение комаров». [1].

Интересно, что потаенная идентичность Эда проявляет себя как в том самом кошерном бейгле в руке Эда, от которого он собирался отказаться на первом обеде, так и переосмыслении образа «птичьего парламента». Здесь уже присутствует явная отсылка не к пародийной поэме, а к сакральному тексту: «На высокой горе Израилевой посажу его, и пустит ветви, и принесет плод, и сделается величественным кедром, и будут обитать под ним всякие птицы, всякие пернатые будут обитать в тени ветвей его». (Иез., 17:23). Конечно, аллюзия на Книгу пророка Иезекиля не случайна, поскольку она трактуется как истолкование плена Вавилонского в системе Божия промысла о судьбе Израиля.

И если дерево и птицы в данном контексте могут восприниматься как указание на иудейскую идентичность, то жужжащие над озером комары – страх перед экуменистическим движением, стремящимся к нивелированию этой идентичности. Не случайно, что дочь Эда Мириам становится консервативной иудейкой. Потаенная идентичность родителей вырывается на свободу у Мириам в условиях концепции мультикультурализма с его отказом от провозглашения гибридной идентичности американского «плавильного котла». С точки зрения А. Гудман, осознание своей религиозной идентичности и есть осознание своего «Я». В уже упомянутом выше интервью она отмечает:

«Я думаю, что вера в Бога и самоопределение себя как еврея, воспринимающего все религиозные аспекты иудаизма – это по-настоящему освобождающий акт, ибо вам не нужно идентифицировать себя со всем прочим культурным багажом (...) Если вы верите в Бога, это данность. И вам не нужно говорить ни о чем еще; это освобождает вас от того, чтобы быть евреем как-то иначе» [3].

Для А. Гудман, таким образом, стратегия религиозной самоидентификации является основной в определении своей «Я-концепции». Обретение религиозной идентичности напрямую связано с процессом обретения свободы, что на протяжении многовековой истории евреев, начиная с Исхода из египетского рабства, обозначает собственно становление народа как такового.

В целом три стратегии самоидентификации – этническая, культурная и религиозная, – подробно отображенные в романе, характеризуют не только еврейский сегмент американской литературы, но и дают довольно полное представление о состоянии мультикультурного дискурса и стратегий самоидентификации в американской литературе конца XX столетия, в период его наивысшего развития, когда идеи этнокультурной и национальной самоидентификации являлись ведущими в социальной жизни США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудман А. Семья Марковиц. М.: Книжники, Текст, 2013. 400 с. URL: http://loveread.ws/read_book.php?id=27238&p=9.
2. Карасик О.Б. Еврейская литература США на рубеже XX–XXI веков: в поисках идентичности. Казань: РИЦ «Школа», 2015. 306 с.
3. Randall L. An Interview with Allegra Goodman // Bookslut. April 2011. URL: http://www.bookslut.com/features/2011_04_017493.php.
4. Said E. Orientalism. London: Penguin Books, 1978. 345 p.

Поступила в редакцию 05.11.15

*I.V. Morozova***THE STRATEGIES OF SELF-IDENTIFICATION IN *THE FAMILY MARKOWITZ*****BY ALLEGRA GOODMAN**

The article deals with the problem of self-identification and its strategies in the multicultural discourse of modern American literature. *The Family Markowitz* by Allegra Goodman is the object of the analysis. Strategies of self-identification in the Jewish segment of American multicultural society are represented in the novel. The focus is on ethnic, cultural, and religious identification of the members of one family.

Keywords: the USA Literature, multiculturalism, self-identification strategies, Jewish-American Literature, Allegra Goodman.

Морозова Ирина Васильевна,
доктор филологических наук, профессор
кафедры сравнительной истории литератур,
Институт филологии и истории
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет» (РГГУ)
125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6
E-mail: irinamoro@gmail.com

Morozova I.V.,
Doctor of Philology, Professor of Literature,
Comparative Literature Department,
Institute of Philology and History
Russian State University for the Humanities (RSUH)
Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia
E-mail: irinamoro@gmail.com